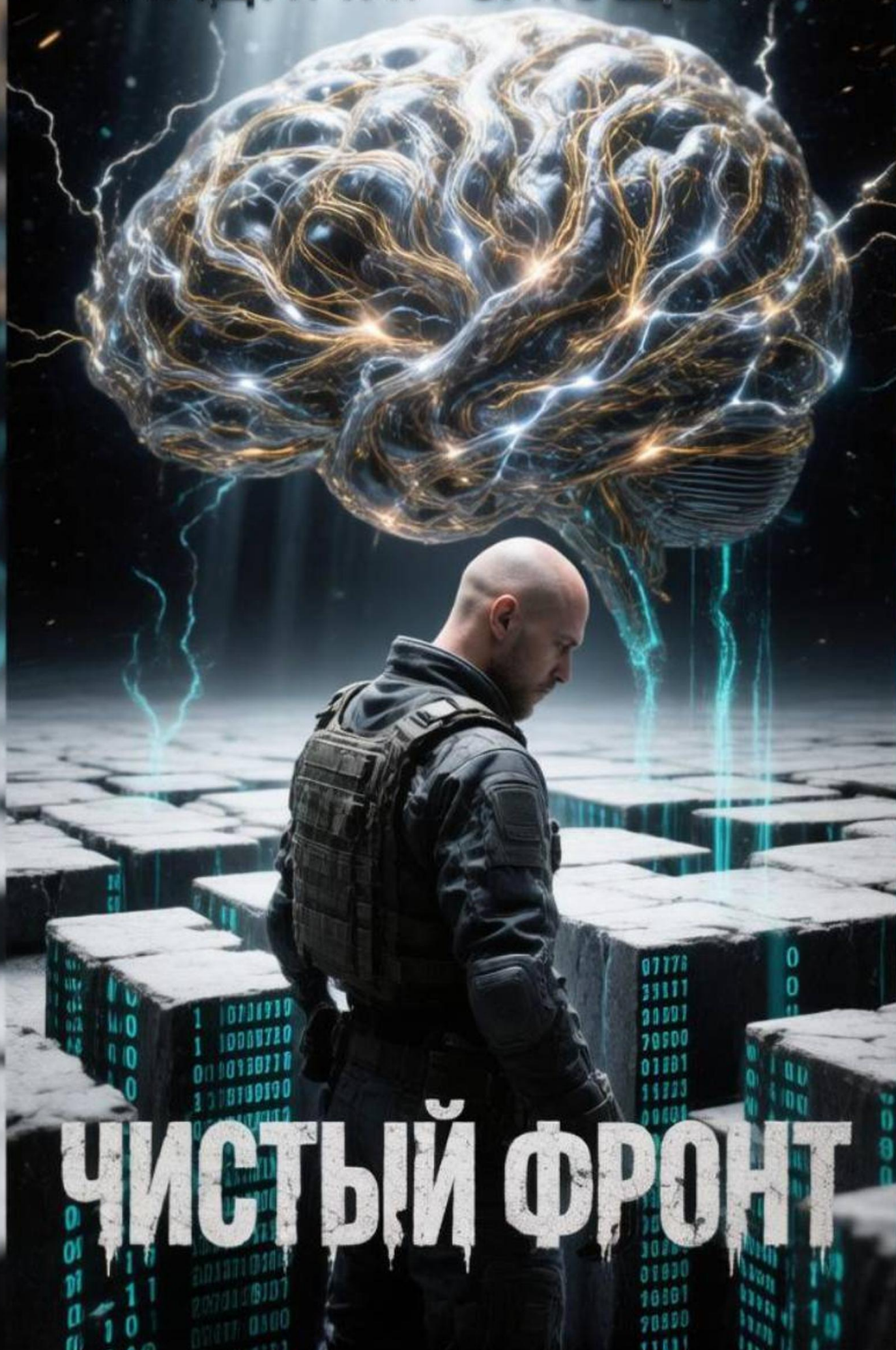

ВЛАДИМИР СЛЮЩЕНКО

ЧИСТЫЙ ФРОНТ

Владимир Слющенко

Чистый фронт

«Автор»

2026

Слющенко В. В.

Чистый фронт / В. В. Слющенко — «Автор», 2026

Владиславу сорок девять — он программист без военного опыта и с больной спиной. На фронт его привёл холодный расчёт. Но когда один из бойцов отделения начинает угадывать прилёты артиллерии за минуты до взрыва, системная логика Владислава даёт сбой. Он начинает задавать вопросы, которые приведут его в засекреченную военную лабораторию. Туда, где ему предложат контракт, цену которого он даже не представляет. Туда, где ответы лежат далеко за пределами трёхмерного мира.

© Слющенко В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
Глава 1.	6
Глава 2.	9
Глава 3.	12
Глава 4.	14
Глава 5.	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Чистый фронт

Аннотация

Владиславу сорок девять — он программист без военного опыта и с больной спиной. На фронт его привёл холодный расчёт. Но когда один из бойцов отделения начинает угадывать прилёты артиллерии за минуты до взрыва, системная логика Владислава даёт сбой. Он начинает задавать вопросы, которые приведут его в засекреченную военную лабораторию. Туда, где ему предложат контракт, цену которого он даже не представляет. Туда, где ответы лежат далеко за пределами трёхмерного мира.

Глава 1.

Глина была холодной и жирной. Владислав прижимался щекой к сырой стенке окопа, чувствуя, как капли грунтовой воды холодят кожу. Земля под ним мелко, непрерывно вибрировала.

Сверху, разбивая плотный осенний воздух, наваливался тяжёлый, нарастающий свист. Воющий, рвущий барабанные перепонки звук неизбежности.

Удар.

Земля качнулась. Тело Владислава подбросило вверх, а затем грубо вбило обратно в дно траншеи. По лицу хлестнуло веером мелких комьев. Воздух вышибло из лёгких с сухим хрипом. На зубах мгновенно закрипела горькая пыль. В ушах врубился ровный, высокочастотный зуммер — словно где-то глубоко в черепе закоротило звуковую плату.

Рация на плече справа закашляла глухими порциями разорванных фраз.

— Байт, живой?! — смог разобрать сквозь помехи и грохот взрывов.

Владислав не ответил. Он пытался вдохнуть, но рефлекторный спазм зажал диафрагму. Секунды текли неравномерно, каким-то непостижимым образом умудряясь то ускоряться, то замедляться. Неожиданно пришла мысль, что снайперский прилёт или случайный осколок — это лишь чистая, слепая математика войны. Попадет снаряд в его сектор или пролетит мимо, зависело лишь от слепого пучка вероятностей, заложенного в момент выстрела врага за десять километров отсюда. От него не зависело ничего. Он был лишь куском углеродной жизни, а точнее — элементом уравнения в этой безжалостной высшей математике.

Сверху раздался новый звук. Не тяжёлый вой снаряда, а тонкое, навязчивое жужжание.

Дрон.

Жужжание резко поменяло тональность, переходя в крутое пике. Звук резал воздух прямо над головой. Камикадзе шёл на цель. Владислав инстинктивно вжал голову в плечи, закрывая уши грязными ладонями. Мысли испарились, остался только липкий, животный страх.

Взрыв хлестнул по брустверу в пяти метрах левее. Огненная вспышка на долю секунды пробила закрытые веки. Сверху посыпались комья тяжёлого грунта, молотя по бронежилету, как по крышке гроба. Воздух наполнился едкой, удушливой гарью сгоревшего пластика и тротила.

Владислав лежал лицом в грязи, лоя ртом ядовитый воздух. Звон в голове постепенно уходил, казалось, само тело по капле впитывает его, как влагу. Всё затихло.

Пусть от него здесь ничего не зависело, но на этот раз небесная математика оказалась к нему благосклонна.

Гул в ушах переходил в сухое, нитевидное шипение. На плече Владислава, под самым ухом, ожила портативная радиостанция. Динамик кашлянул, пробивая помехи.

— Это Крон, — голос командира отделения, Кости, в эфире звучал хрипло, с натужным присвистом. Он вызывал свою группу. — Переключка. По порядку. Седой?

— Седой на связи, цел, — отозвался глухой бас из дальнего конца траншеи. Александр, Саныч — самый опытный боец в отделении. Дольше всех на передовой.

— Ключ? — рация снова щелкнула.

— Ключ на приеме. Цел, — раздался голос Виктора из соседней ячейки. Виктор, бывший спортсмен, до сих пор не удалось толком познакомиться.

— Байт?

Владислав с трудом разлепил губы, сплевывая налипшую на язык грязь. Дрожащие пальцы нащупали кнопку вызова рации.

— Байт... живой. Цел.

— Спринт? — командир продвигался по списку. Эфир ответил глухим шипением. — Спринт, ответь Крону.

Тишина.

— Седой, ты рядом, глянь, что там у него. Каток? — не дожидаясь Седого, бросил в эфир Крон.

— Жив, — отозвалась рация сухим, сдавленным голосом. — Но осколок в ноге, неглубоко. Бинтуюсь. Помощь не нужна.

Да, это в стиле Николая — мощный, простой работяга с открытой душой, не первый день в окопе.

Пауза. В эти несколько секунд Владислав слышал только, как шуршит осыпающаяся со стенок траншеи земля.

— Крон, это Седой, — рация заговорила тише, словно боец не хотел, чтобы его слышали. — Спринт всё. Двухсотый. Прямое в бруствер ячейки, завалило. Череп осколком... Короче, без шансов.

Владислав медленно перевернулся на бок, упираясь спиной в сырой глиняный срез. Внутри что-то тупо оборвалось. Антон. Парню было двадцать пять. Так же, как и у Владислава, это была его первая вылазка, боевое крещение. Они вместе проходили «учебку» под Ростовом. Он легко крутил «солнышко» на турнике, изнуряющие пробежки были для него прогулкой. Рассказывал, что успешно окончил вуз по какой-то там специальности. Осколок просто пролетел по своей параболе, и Антон оказался на его траектории. Не спасли ни выносливость, ни интеллект. Спортивные разряды, диплом — всё осталось за скобками. Чистая математика, помноженная на везение. В случае с Антоном — на ноль.

— Принял, — сухо отозвался командир. — Эвакуации не будет, «птички» небо держат, точку светить нельзя ни в коем случае. Седой, заверните парня в спальник, оттащите в тупиковую щель, забросайте ветками. Позже решим. Далее по списку... Турист?

— Турист — трёхсотый, тяжёлый! — закричал кто-то в траншее без рации. Байт узнал голос Дантиста. — Руку оторвало! Нужна помощь!

— Байт, помоги ему! Каток, перебинтуешься, ползи на угол, — жестко скомандовал Крон. — Ты копать со своей ногой не сможешь. Хватай трубу, паси небо и окраину, но никакого шума! Предупреди в случае опасности. Похоже, что-то показалось подозрительным, вот и прилетело. Если бы они нас по-настоящему засекли — мы бы так просто не отделались. Всем сохранять маскировку! Седой, Ключ — мы за лопаты. Байт, Дантист — как закончите, оттащите его в щель и нам на подмогу. До утра чистим только проходы и щели. Днём не высовываемся. Ночью приступим к основной задаче — начнем готовить трамплин.

Владислав попытался встать, но колени подогнулись, словно были сделаны из мокрого картона. Бронежилет весом в двенадцать килограммов показался неподъемной чугунной плитой. Вокруг закипела сухая, страшная рутина выживания.

Турист, Толик, лежал на спине. Глаза закатились, обнажив желтоватые белки, лицо из серого стремительно превращалось в белое, как мел. Он был без сознания — организм просто отключил восприятие боли, спасая мозг от болевого шока. Правая рука заканчивалась чуть выше локтя грязным, лохматым месивом из разорванной ткани, мышц и обломков кости. Кровь не била фонтаном — сосуды сжались от спазма, но лужица густой темной жижи быстро увеличивалась в размерах.

Юрка, он же Дантист, стоял на коленях, его руки в окровавленных нитриловых перчатках ходили ходуном. Зубы парня стучали.

— Байт, держи... держи плечо! Прижми его к земле, чтобы не дергался, не хватало, чтобы он ещё сейчас очнулся, — шептал Дантист, лихорадочно выдирая зубами колпачок со шприц-тюбика нефопама. — Нас на третьем курсе учили аппендикс вырезать в стерильной

операционной. Сука, профессора забыли сказать, что настоящая медицина — это когда ты по уши в дерьме крутишь турникет на скорость.

Почему-то пришла в голову мысль, что, будучи студентом, Юрка, наверняка, был душой компании. Даже сейчас он пытается юморить, хотя, скорее всего, реакция на стресс. Молодой, жизнерадостный, он легко находил общий язык со всеми, любил потусить, и это же стало причиной его отчисления с третьего курса медицинского университета.

Владислав навалился телом на Толика, аккуратно прижимая его к земле. Пальцы в плотных тактических перчатках мгновенно стали скользкими от чужой теплой крови. Дантист с силой вогнал иглу обезбола Туристу в бедро, а затем, хрипя от напряжения, затянул пластиковый вороток турникета на самом обрезах плеча. Чёрная лента врезалась в кожу. Кровь наконец остановилась.

— Всё, зафиксировал, — Юра шумно выдохнул, вытирая локтем пот со лба и размазывая по лицу грязь. — Скорее всего, жить будет. Теперь обрабатываем и на перевязку. Готово, держи тампон.

Владислав прижал марлевый узел к рваному срезу плоти, чувствуя, как под ладонью судорожно сокращаются остатки мышц. Толик тяжело, прерывисто задышал, но в себя не пришёл. Забинтовали и перенесли его в укрытие.

Спустя десять минут Владислав уже сидел на коленях на дне траншеи, в паре метров от Виктора. Работать приходилось, согнувшись в три погибели, чтобы каска не торчала над бруствером. Малая пехотная лопата со стуком врезалась в слежавшуюся глину, перемешанную с корнями кустарника.

Это была самая паршивая поза для его сорокадевятилетней спины. Каждое движение — удар лопатой, поворот корпуса, выброс тяжёлого мокрого комка вверх — отзывалось в пояснице предчувствием боли. Логика требовала копать быстрее, чтобы успеть до следующего налета, но тело с каждым взмахом молило о передышке.

Через полчаса непрерывной работы левая нога Владислава начала заметно неметь. Пальцы внутри берца потеряли чувствительность, а по пояснице предательски поползло ощущение приближающегося приступа. Грыжа медленно, но верно зажимала нервный корешок. Владислав замер, тяжело привалился плечом к глиняной стене окопа и попытался скручиваясь успокоить спину, кулаками промять окаменевшие мышцы. На лбу выступил холодный пот.

Виктор остановил работу. Его дыхание было ровным, словно он занимался на тренажере в прохладном зале, а не вгрызался в прифронтовую грязь. Он внимательно посмотрел на Владислава, на его вынужденную позу и скованные движения.

— Влад, хорош себя ломать, — негромко, но уверенно сказал Виктор, втыкая лопату в землю. — Ты спину скручиваешь под нагрузкой. Так ты свою грыжу до экстренной операции доведешь. Нужно декомпрессию сделать прямо сейчас.

— Какая, к черту, декомпрессия... — прохрипел Владислав, не выпрямляясь.

— Если свалишься мертвым грузом, работать ты не сможешь. — Виктор плавно опустился на дно окопа, подогнув под себя колени. — Броньними, она сейчас мешает. Не бойся, опасности нет. Лопату брось. Повторяй за мной. Садись на пятки. Опускай таз назад, а руками тянись вперед по дну траншеи. Лбом тянись к земле. В йоге эта поза называется Баласана, а по-простому — базовое растяжение поясницы. Спину не напрягай, расслабь шею, глубоко и медленно дыши животом. Нам нужно расслабить глубокие мышцы спины, растянуть позвонки и убрать осевой зажим, пока у тебя ногу окончательно не отключило. Я копать за двоих не собираюсь, — улыбнулся Виктор.

Владислав, пересиливая страх усиления боли, медленно опустился на колени на сырые ветки, брошенные на дно окопа. Он вытянул руки вперед по скользкой глине и попытался прижаться лбом к холодной земле.

Глава 2.

Крон созвал всех под утро, когда серое небо над рошей только начинало светлеть сквозь рваные тучи.

— Юра, что там с Толей?

— В себя пришёл. Плох, но держится. Главное, правильно рассчитать нефопам, чтобы хватило. Я ему передал несколько штук, в крайнем случае сам вколет. Но хочет быть полезным, помощничек, — усмехнулся Дантист. — Сказал ему, что прописываю строгий покой и что медсестра не придет, если слушаться не будет.

— Юр, не до шуток, — устало сказал Крон. — Связался с базой, с учетом Туриста и Спринта, пяти дней у нас теперь нет. Нам дали сорок восемь часов максимально подготовить трамплин. Есть шанс, что нас ещё не засветили, поэтому эвакуации не будет, точка должна остаться незамеченной. Сниматься будем сами, по погоде. Ждем туман или плотную низкую облачность, не будем облегчать «птичкам» работу, уходим ногами, тащим парней. А пока продолжаем: разбиваемся на пары, днём дежури́м и спим по очереди, смена — четыре часа, ночью — один дежурит, остальные копают. Сетки не забывайте, иначе нам тут всем эвакуация понадобится. Седой, ты с Дантистом. Каток, мы с тобой днем, ночью я лопачу. Байт, ты в паре с Ключом, принимайте первый пост. Следом Седой и Дантист, мы замыкаем цепочку.

Владислав сидел у бруствера огневой ячейки, вглядываясь в серую, полуразрушенную окраину городка в пятистах метрах впереди. Ветер гнал по перепаханному полю клочья утреннего тумана.

Поясницу после ночной Баласаны отпустило, но мышцы оставались натянутыми, как перегруженные кабели. Владислав осторожно попытался опустить таз и, округлив спину, убрать напряжение, разгружая поясничный отдел.

— Правильно делаешь, — сказал Виктор, даже не оглядываясь на Владислава. Он сидел на корточках чуть ниже, контролируя правый сектор через узкую амбразуру. — Даже в статичном положении можно делать растяжку. Слушай своё тело, оно само подскажет.

— Откуда такие познания? — так же тихо спросил Владислав, мимоходом успев удивиться, когда это Виктор заметил движение, если он даже не смотрел в его сторону. — В учебке говорили, ты спортсмен.

— Скорее, тренер. — Виктор едва заметно усмехнулся. — Сначала учился в Казани на инструктора АФК — адаптивная физическая культура, потом в Белгороде открыл свой зал реабилитации, вёл несколько групп. Спины, колени, порванные связки — это был мой профиль. Я человеческое тело как анатомический чертеж вижу. Знаю, где узел зажал, где тяга ослабла.

— Востребованная специальность. Что-то пошло не так, раз уж ты здесь? — не задумываясь, спросил Владислав, меняя позу из-за дискомфорта в спине.

Виктор долго молчал. В затянувшейся паузе стало слышно, как ветер шумит листьями редких осин и шуршит, перебирая сухую траву. Владислав уже подумал, что спросил лишнего и Ключ проигнорирует вопрос, но тот заговорил — сухо, ровно, без единой лишней эмоции.

— У нас был дом в пригороде. Прошлой зимой прилетело. Тяжелый реактивный снаряд. Я в этот момент был в городе. Марина и Алёнка... дочке восемь было. Они на кухне были, готовили вместе. Прямое попадание. Когда вернулся — только куча битого кирпича, бетонная пыль и тряпки. Никто не выжил.

Его лицо в сером утреннем свете казалось высеченным из камня. Никаких слез, никакого дрожания голоса. Только пугающая, ледяная пустота в глазах.

— Зал я закрыл. Родителей нет, я из детдома. Жить в городе, где всё напоминает о прошлом, не смог. А здесь... здесь в голове становится тихо. На войне нет прошлого, Влад. —

Виктор задумался. — Да и будущее измеряется минутами. Чистый процесс выживания. Самое то, когда тебе больше незачем жить.

Владислав молча смотрел вперед, на полуразрушенные пятиэтажки. Внутри похолодело. Виктор стоял рядом — хладнокровный, безупречный в движениях, готовый помочь с чужой болью, но внутри него была абсолютная, выжженная мертвая зона.

Когда окончательно рассвело, за спиной бесшумно возник Седой. Он молча кивнул обоим, занял место Виктора у амбразуры, прислонив автомат к стене окопа. Судя по тихому разговору невдалеке, Юра уже проверял состояние Толика. Четыре часа их дневного дежурства истекли.

Владислав вернулся в свою «нору». Ноги гудели, поясницу снова начинало стягивать тугой, горячей полосой. Стараясь не думать о риске, снял бронежилет и каску, и прямо на сырых ветках повторил несколько упражнений для спины. Вроде полегчало, спасибо Ключу. Забрался внутрь влажного спальника, предварительно нацепив обратно бронь — снимать снаряжение на «нуле» запрещал устав и здравый смысл. Укрылся с головой, пытаюсь отсечь дневной свет.

Уснуть не получалось. Мышцы требовали покоя, но мозг Владислава из-за ночного адреналина и физических нагрузок наотрез отказывался отключаться. Не давало покоя услышанное откровение Виктора. Мысли рождались и умирали, не успев обрести форму, наслаиваясь друг на друга, кружась в рваном, мутном потоке.

Снаружи жил своей жизнью дневной фронтовой шум. Где-то далеко глухо и лениво ухала тяжелая артиллерия — словно кто-то забивал гигантские сваи в сырую землю. Временами доносился сухой, тонкий треск далеких автоматных очередей. Но хуже всего был едва различимый, висящий высоко в облаках зуд разведывательных дронов. Чужие «глаза» кружили над округой, выискивая признаки жизни.

— Воздух! — вдруг хрипло зашипел в рации голос Дантиста. — Ротор над нами! Всем замереть!

Владислав инстинктивно сжался внутри спальника, вжимаясь спиной в дно траншеи и затаив дыхание. Над окопом, совсем близко, с противным жужжанием пролетел квадрокоптер. Звук прошелся прямо по нервам, заставив сердце сделать несколько тяжелых, болезненных толчков. Секунды потянулись мертвой, застывшей каплей. Дрон улетел дальше, в сторону города.

— Отбой, ложная тревога, — рация умолкла.

Напряжение постепенно спало, Владислав снова закрыл глаза. Сознание, уступая усталости, начало плавно соскальзывать в зыбкую, лихорадочную полудрему. Границы реальности поплыли, и сквозь серый шум окопных звуков стали проступать кадры старой, мирной жизни.

Он вдруг ясно увидел кухню, горячий чайник на плите. На столе стоит большая белая кружка с остывающим кипятком, в котором плавают листочки мяты и кусочек лимона. Наталья сидит у стола, привычно согнув одну ногу в колене, обхватив её рукой.

— Что, снова отказ? — её голос звучал так чисто и близко, что Владислав во сне пошевелил губами, пытаясь ответить.

— Да, в этот раз даже резюме не посмотрели. Наверное, не прошёл фильтры по возрасту. Слишком стар я для этого дерьма, — попытался отшутиться он, вспомнив дурацкую фразу из какого-то фильма.

Картинка поплыла, изменился вектор воспоминаний. Теперь он слышал телефонные разговоры с сыновьями.

— Пап, привет! Слушай, я тут узнал условия на магистратуру... Там коммерция... бюджетные места урезали вдвое. Я не знаю, что делать. Может, на работу, а мага заочно? — голос Мишки, старшего, звучал неразборчиво, как будто издалека. Мелькнула мысль — надо бы ему телефон новый купить...

И сразу же, встык, накладывался голос младшего, Сереги, радостный и звонкий:

— Отец, поздравь! За информатику 93 балла. Итого с золотой медалью 277. Всё по плану, курс на Москву!

Эти голоса — Мишкин, Серегин, Натальин — начали переплетаться, ускоряться и наслаиваться друг на друга, превращаясь в плотную, неразрывную звуковую петлю. Кадры сменялись один за другим, не оставляя места логике. Мишка почему-то в грязном лабораторном халате курил на скамейке у подъезда, а Серёга бежал за кем-то и никак не мог догнать. Наталья молча пила кипяток, её силуэт медленно размывался, пар из кружки превращался в серый туман над перепаханым взрывами полем.

Владислав окончательно провалился в тяжёлый, сюрреалистичный сон, где его прошлая жизнь и нынешний окопный ад слились в один общий, невообразимый клубок.

Глава 3.

Второе дневное дежурство прошло в тягучем, напряженном молчании. Владислав чувствовал неловкость после утреннего разговора: он понимал, что залез Виктору глубоко под кожу, в мертвую зону, и теперь подсознательно избегал любых серьезных тем. Говорили мало, строго по делу — сверяли ориентиры на окраине, передавали друг другу оптику. Пару раз над рощей снова жужжали чужие «глаза», заставляя замирать под маскировочными сетками, но на этот раз обошлось без артиллерии. Серая рутина дня утонула в плотных, черных сумерках.

Как и приказывал Крон, началась инженерная фаза. Готовили «трамплин» — скрытную промежуточную точку сбора для намечающегося штурма.

Набежавшие тучи периодически тушили и без того скудный свет, струившийся от луны. Липкая тьма накрыла позиции. Работать приходилось на коленях, почти вслепую, ориентируясь только на глухие удары и шорох осыпающейся земли. Лопата Владислава со скрежетом резала сырой грунт, натываясь на упрямые, узловатые корни. Он складывал мокрый суглинок в ведро, чтобы Ключ уносил его назад и сыпал в небольшой овражек, над которым растянули маскировочную сетку.

Спина держалась, но общая усталость наваливалась тяжёлым, свинцовым пластом. Мышцы рук горели от монотонного напряжения.

— Влад, — из темноты донёсся тихий голос Виктора. Он вернулся за очередной порцией грунта и опустился на корточки рядом с Байтом. — Слышишь меня?

— Слышу, — также тихо ответил Владислав, вытирая тыльной стороной грязной перчатки пот со лба.

— Я всё думаю... — Ключ сделал короткую паузу, в темноте послышался легкий шорох ткани его куртки. — Тебе сорок девять. Ты тут недавно ребятам на пальцах доходчиво объяснил, почему мобилами лучше не пользоваться. Похоже, ты по специальности айтишник?

— Если быть точным — программист.

— Тогда какого чёрта ты здесь забыл? Зачем тебе этот ноль? — В голосе Ключа звучал неподдельный интерес.

Владислав замер, опираясь ладонями на черенок лопаты. После дневного откровения Виктора вопрос был ожидаем и теперь дежурными фразами его не закроешь.

— Всего понемногу, Вик. — Владислав усмехнулся, но улыбка вышла горькой. — В свои сорок девять лет я оказался за бортом IT-рынка. Когда переучился на андроид-разработчика, мне, с учетом возраста, можно сказать, повезло — устроился сначала в одну, потом в другую крупную компанию. Отработал честно четыре года. А потом, вслед за глобальной экономикой, дела у компании пошли всё хуже и хуже. Попал под сокращение. Да и не я один, куча специалистов оказалась не у дел. Наверняка ты слышал: искусственный интеллект теперь может заменить целую команду программистов. На рынке труда востребованными остались только сеньоры — так у нас самых крутых программистов называют. Начинающих вынесли первыми, потом таких, как я, — середнячков. Месяцы поисков, десятки отказов от HR-ов. Возраст, недостаточная квалификация, и по факту — кремний победил человека.

Он перевёл дыхание, глядя в пустоту.

— Ну, сменил бы профиль, мозги-то есть, — резонно заметил Виктор.

— Пробовал. Рынок труда изменился не только в IT. Вакансий мало, кандидатов много. На приличные вакансии нужен не менее приличный опыт. А у меня нет в запасе столько времени, чтобы снова переучиваться и набираться опыта. Да и «процессор» уже не тот, что в молодости.

Владислав снова взялся за лопату. Виктор не перебивал, то ли ждал продолжения, то ли размышлял о чём-то.

— От первого брака у меня двое пацанов, студенты. Мишка и Серега. Оба в Москве учатся. У старшего с магистратурой выбора не было, только на коммерцию. А так как сын участника СВО, прошёл вне конкурса на бюджет. Младший сам смог на бюджет поступить, но общагу не дали, за продукты и проезд платить надо — суммы приличные. Все прошлые активы ушли взносами на строящиеся однушки для детей, себе ничего не оставил. В сухом остатке — ноль по финансам.

Владислав замолчал. Корень попался особенно толстый. Никак не получалось перебить его с ходу.

— Плюс, — продолжил он, справившись наконец с корнем, — мой отец тяжело умирал от Паркинсона. Страшная болезнь. Несколько лет мы с сестрой поочередно за ним ухаживали, я видел, как мозг заживо превращается в кашу, как тело перестаёт слушаться. А это передаётся по наследству, Вик. У меня уже сейчас руки иногда после стресса подрагивают. Я не знаю, сколько мне осталось, но не хочу, чтобы мои дети из-под меня утки выносили.

Владислав нащупал рукой ведро с глиной и придвинул его ближе к Виктору.

— Так что контракт для меня — прагматичный расчёт. Единовременная выплата полностью закрыла потребности сыновей на годы вперёд. Я обеспечил им старт. А сам... если обнулюсь здесь — они получают гробовые, купят нормальное жильё в столице. Если выживу, хотя понимаю, что вероятность крайне мала, — вернусь с деньгами, обеспечу себе пенсию и уход. Чистая математика. Я пошёл на передовую не умирать за идею, я пришел свести дебет с кредитом.

В темноте воцарилась глухая, тяжёлая тишина. Было слышно только, как далеко на окраине города сиротливо хлопнула одиночная миномётная мина.

Виктор не сразу забрал ведро. Когда он заговорил, его голос показался Владиславу пугающе холодным, словно шёл из глубокого колодца:

— У тебя есть ради кого жить, Влад. Твоя математика имеет смысл, пока в формуле есть семья. Ради этого стоит грызть землю.

Виктор резко, одним движением подхватил тяжёлое ведро. Владислав вдруг отчётливо понял: Ключ был живым воплощением его главного, потаённого страха. Человеком, у которого математика войны полностью удалила те самые переменные — семью и будущее, — ради которых Байт согласился войти в это уравнение.

Глава 4.

Владислава выдернуло из тяжёлого, рваного сна резкое, болезненное сжатие плеча. Над ним стоял Виктор. В полумраке перекрытой щели его лица почти не было видно, но пальцы Ключа держали намертво, исключая любую суету.

— Влад, подъём. В темпе, — выдохнул Виктор прямо в ухо. — Забирай все вещи и на общий сбор.

Байт на автомате упаковал спальник, схватил рюкзак, автомат и выполз наружу. Вокруг стояла звенящая, неестественная утренняя тишина. Над самым горизонтом проступила тонкая, бледная полоска предрассветных сумерек. Ни далёких артиллерийских раскатов, ни навязчивого зуда дронов в вышине. Полный штиль.

В изломе траншеи уже стоял Крон. Рядом Дантист затягивал ремни на походных носилках, где лежал бледный, обколотый нефопамом Толик. Каток, опираясь на автомат и припадая на забинтованную ногу, молча ждал команд.

— Ключ, ты уверен? — тихо, но жёстко спросил Крон, всматриваясь в лицо Виктора. — Вокруг ни звука. «Шпиль» за самовольный уход с точки нас под трибунал пустит. Трамплин наполовину уже готов.

— Уходим, Костя, — Виктор говорил ровно, но в его голосе звенел холодный металл. — Нас срисовали. Срисовали чисто, прямо сейчас по нам наводят пакеты. Времени — три минуты, максимум пять.

Крон не колебался ни секунды. Владислав ждал вопросов, тактических споров, но командир просто коротко кивнул. Этот слепой кредит доверия пугал сильнее любого обстрела.

— Антон? — коротко спросил Крон, глядя на Ключа.

— Забираем. Должны успеть, — отрезал Виктор.

— Седой, хватай матрас со Спринтом, понесём вместе. — Крон привычно раздавал приказы. — Дантист, Байт — на носилки с Толей. Толик, не спорь, ты еле на ногах держишься. Ключ, подстрахуй Катка. Выходим из окопов.

Владислав подхватил задние ручки носилок, Дантист — передние. Внутри Байт кипел от бессильной досады. Они всю ночь лопатили эту липкую глину, рвали жилы, таскали вёдра с суглинком в овраг, маскировали бруствер. В «трамплин» было влито столько физического ресурса, и теперь всё это нужно бросить просто потому, что Ключу что-то там показалось в утренней тишине? Это ломало любую логику.

— Куда? Назад по усам? — хрипло спросил Дантист, перехватывая носилки.

Виктор замер на мгновение, как будто прислушиваясь, но тут же выскочил наверх, прямо на открытую кромку поля.

— Времени нет. Ломимся по прямой через подлесок. Игнорируйте кусты, бегом! Триста метров прямо до ложбины!

Это было безумие. Выйти из укрытия на открытое пространство в непосредственной близости от окраины города — значит подставиться под прямое наблюдение. Но Седой с Кроном уже бежали, согнувшись, волоча тяжёлый спальник с телом Антона. За ними, прихрамывая, но с приличной скоростью, нёсся Каток.

Ключ двигался невероятно экономно и быстро, словно заранее знал каждый кочковатый выступ на этом поле.

Владислав и Юрка рванули следом. Носилки с раненым Толиком швыряло из стороны в сторону. Тяжёлая броня сковывала движения, каска съезжала на глаза, берцы скользили по утренней росе. Хрип лёгких заглушал все звуки. Сорок девять лет, грыжа — всё испарилось в одну секунду, заменённое чистым, диким адреналином выживания. Теперь Владислав не видел ничего, кроме носилок и спины бегущего впереди Дантиста.

Они успели пробежать метров двести пятьдесят, когда небо позади них словно с треском разорвали надвое, корёжа и сминая остатки тишины.

— В ложбину, плашмя! — пытаюсь перекрыть нарастающий грохот, скомандовал Ключ.

Последние десятки метров все практически летели, спиной ощущая нависшую угрозу. Бойцы скатились со склона, шлёпнувшись на дно заросшей травой низины. Носилки с Толиком больно ударили Владислава по колену, но он даже не заметил. Рошу, которую они покинули несколько минут назад, накрыл сплошной, оглушительный ад.

Удары ложились плотно, один за другим, сливаясь в единый, непрерывный гул. Тяжёлые снаряды в щепки разносили редкие осины, вбивая остатки глубоко в суглинок, перепахивали выкопанные ими траншеи и усы, превращая плоды ночного труда в дымящиеся воронки. Земля под Владиславом подпрыгивала, как бешеная мембрана. Ему показалось, что воздух стал серым, с привкусом тротиловой горечи. Обстрел шёл по площади — методичный, основательный снос квадрата. Они успели. Опоздай они на минуту — и всё отделение осталось бы лежать в тех окопах навсегда.

Владислав лежал, уткнувшись лицом в траву, и чувствовал, как внутри взрывается его собственный мозг. Логика программиста давала сбой. Это не могло быть совпадением. Вероятность угадать точечный налёт в моменты абсолютной предрассветной тишины стремилась к абсолютному нулю. Ключ знал. Знал с точностью до минуты.

Он повернул голову. Рядом, прижимая к земле спальник с телом Антона, лежал Седой. Саныч тяжело дышал, его старая каска была густо залеплена суглинком.

— Саныч! — заорал ему в ухо Владислав, перекрикивая очередной грохот разрыва. — Саныч, слышишь?! Откуда он знал?! Вокруг же тишина была!

Седой покосился на него, сплюнул вязкую слюну.

— У Ключа... — выкрикнул Саныч, когда грохот на секунду стих, — у него это не первый раз, Байт! Ему б позывной на «Радар» поменять. Он прилётит кожей, сука, чует. Хрен знает как. Скажи спасибо, что живой!

Владислава как разрядом мгновенно прошли мысли: если он ходячий радар, то почему он вчера Антона не увёл?! Почему Спринт «двухсотый», если Ключ всё видит?!

Один из снарядов лёг совсем близко, со свистом осколками срезало куст над их головами. Сейчас не время задавать такие вопросы.

Спустя несколько минут грохот так же внезапно оборвался. Роша позади них горела, исходя густым дымом.

— Всё, снялись! Птицы пошли! — раздался сбоку голос Виктора. — Двигаемся за мной. Дистанция пять метров. Ползком по дну ложбины, наверх не соваться.

Владислав поднял голову и увидел, как высоко над перепаханым полем, качаясь на ветру, начали разворачиваться серые силуэты разведывательных квадрокоптеров противника. Они зависали, расширяя радиус обзора, фиксируя результаты удара. Маскироваться было нечем, тепловизоры дронов видели любое тепловое тело сквозь редкую траву. Но Виктор уже полз впереди, за ним остальные.

И тут Владислав заметил странное. Движения Ключа ломали любую линейную логику тактического отхода. Вместо того чтобы ходко бежать по глубокому дну ложбины назад к базе, Виктор вёл их рваным, абсурдным зигзагом. Он заставлял группу замереть без движения прямо посреди глубокой грязной лужи. Затем, вопреки здравому смыслу, требовал сделать резкий, изнурительный бросок через открытую поляну, где их должен был заметить любой оператор.

Но прилётов не было. Небо молчало.

Владислав, тяжело подтягивая носилки с Туристом, вдруг отчётливо понял: Виктор не просто бежал. Он каким-то непостижимым образом видел незримую сетку координат. Ключ точно рассчитывал углы наклона чужих камер, мёртвые зоны врага, зоны перекрытия оптики и

траектории движения. Он вёл отделение сквозь невидимый цифровой лабиринт, безошибочно нащупывая слепые контуры в небесной системе слежения.

Ещё немного покружив над полем, коптеры нехотя, по одному, стали возвращаться назад. Опасность миновала.

Глава 5.

«Шпиль» встретил их запахом дизельной гари, сырых опилок и спасительной серостью палаточного лагеря. На базе суэта штурма затихала, сменяясь бытовой рутинной.

Катка медики взвода забрали сразу в блиндаж-медпункт. Осколок засел неглубоко в мягких тканях голени, кость была цела. Николай только глухо матерился, досадуя, что выбывает из группы на целых две недели. С Толиком всё было серьёзнее. Дантист лично помог погрузить носилки в кузов санитарной «буханки» — парня отправляли в госпиталь Новороссийска, впереди его ждали ампутация, военно-врачебная комиссия и увольнение. Больше он не боец. То, что осталось от Антона-Спринта, упакованное в плотный чёрный пластик, служба 200 готовила к отправке в Ростов-на-Дону и далее родственникам.

Крон, даже не отмывшись от грязи, сел за колченогий стол заполнять журнал расхода БК. Почти сразу в блиндаж зашел связной из штаба батальона.

— Крон, заполнишь журнал — загляни к ротному. После вас трамплин разнесли в щепки, у него куча вопросов, — бросил связной. — Ключ, учёные приехали, тебя профессор в КУНГе ждёт прямо сейчас.

Виктор молча кивнул, поправил автомат и вышел вслед за связным. Владислав проводил его долгим взглядом. Профессор? Какое отношение гражданские учёные имеют к штурмовику? Одна загадка наслаивалась на другую.

Спустя полчаса Байт сидел на краю деревянных нар в их жилом блиндаже. Дантист методично, с привычной аккуратностью обрабатывал перекистью содранные ладони.

— Юр, — тихо спросил Владислав. — А что за Профессор в КУНГе? Ключ у нас что, на особом счету в штабе?

Дантист на секунду остановил марлевый тампон, покосился на закрытую дверь блиндажа и снова принялся за работу.

— Да хрен его знает, Влад. Засекречено там всё в ноль. — Дантист понизил голос до шёпота. — Ключ ведь три месяца назад из части вообще пропал. Ни в госпиталях не числился, ни на полигонах. Нам сказали — в командировке. Вернулся через месяц какой-то... замороженный, что ли. Страх потерял напрочь. Парни рассказывали, он в первом же выходе под минами такое вытворял. И всегда сухим из воды выходил.

Дантист выбросил грязную марлю в обрезанную пластиковую канистру и полез за чистым бинтом.

— А когда он вернулся, эти головастики, по слухам, они из какого-то закрытого НИИ, привезли с собой три тяжёлых ящика. Смонтировали за штабом мачты, навесили на них какое-то оборудование. Наши связисты к ним даже подходить боятся — говорят, это ретрансляторы какие-то экспериментальные, мощность излучения дикая. Ради прикола попробовали точно частоту определить и не смогли. Прикинь? Это спецы-то. С тех пор учёные пару раз в месяц приезжают, что-то калибруют, да с Ключом общаются. Короче, Байт, не лезь ты в это. Там большая наука с большими погонами крутится, нам целее быть. Помоги лучше узел завязать, и давай я твои царапины обработаю.

Владислав промолчал. Станные ретрансляторы, Профессор, выжженная роща и безумный зигзаг по полю, спасший им жизнь. Части пазла никак не желали собираться воедино.

Глубокая ночь выдавила из блиндажа последние звуки. Юрка давно сопел на соседних нарах, Владислав лежал с открытыми глазами, пытаясь в крошечной темноте разглядеть бревенчатый накат потолка. Уснуть не получалось. Мозг, перегретый адреналином, в попытке осмыслить происходящее крутил бесконечный цикл рваных мыслей. В довершение всего почувствовалось, что правая кисть начала мелко, противно подрагивать. Состояние сонливости сняло как рукой. Сел, вытянул вперёд руки, выпрямил пальцы и замер. Через несколько секунд

выдохнул — не больше обычного, всё в порядке. Не хватало ещё, чтобы к спине добавился Паркинсон. Он знал, что эта болезнь убивает постепенно и вероятность погибнуть тут гораздо выше, но так уж устроен человек — надеется на лучшее и переживает о неслучившемся.

Владислав тихо, чтобы не разбудить товарища, поднялся. Внутри сидело глухое, непреодолимое желание заглушить нервы горячим, крепким кофе. До утра осталось немного, уснуть уже всё равно не получится, так почему бы не побаловать себя частичкой теперь такой далёкой, гражданской жизни.

Он вышел в предбанник блиндажа, где на импровизированном столике стояла портативная туристическая горелка. Зажёг огонь и добавил воды в старый закопченный чайник. В слабом отблеске синего пламени Владислав отсыпал две ложки сухих гранул в кружку, дождался, когда закипит вода, и залил кипятком.

— Мне достаточно одной ложки, — раздался из темноты тихий голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.